

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

Психология социального познания: перспективы развития в изменяющемся обществе*

Т. Д. Марцинковская^{1,2,3}, Д. А. Хорошилов^{1а}

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

² Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

³ Московский институт психоанализа,
Российская Федерация, 121170, Москва, Кутузовский пр., 34/14

Для цитирования: Марцинковская Т. Д., Хорошилов Д. А. Психология социального познания: перспективы развития в изменяющемся обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 1. С. 12–23. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.101>

В статье обобщены результаты многолетних теоретических и эмпирических исследований феноменологии и механизмов социального познания в условиях текучей современности, социальной неопределенности и транзитивности. Отправным пунктом выступает позиция научной школы Г. М. Андреевой, согласно которой социальное познание рассматривается как аффективный и когнитивный процесс конструирования образа социального мира в индивидуальном и общественном сознании. Разрабатывается новая трансдисциплинарная концепция социального познания, в рамках которой интегрируются принципы культурно-деятельностной психологии и социального конструкционизма, а также теорий социальных представлений и коллективных переживаний. Обосновывается научно-исследовательское направление, в значительной степени расширяющее предметную сферу психологических исследований социального познания, — социальная психология повседневности. Именно повседневность выступает оптикой анализа субъективного восприятия и переживания социальных изменений как ситуации неопределенности в различных сферах повседневной жизни общества и культуры (от новых медиа до современного искус-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

^а Автор для корреспонденции.

ства). Предлагаемая и реализуемая эстетическая парадигма в социальной психологии повседневности сочетает два способа понимания, объяснения и прогнозирования социальных изменений: научно-понятийный и художественно-образный (или визуальный). Таким образом, эстетическая парадигма синтезирует научный и эстетический дискурсы психологии и искусствознания. В указанном отношении она является гибкой методологической стратегией, открывающей перспективы многомерного анализа современного общества и культуры, не поддающихся концептуализации в традиционных категориях социального познания (например, модели психического, категоризации и каузальной атрибуции). На основе эстетической парадигмы повседневности вводится новый для отечественной психологии конструкт прекарности, который означает индивидуальное и коллективное переживание тотальной уязвимости, хрупкости и незащищенности человека в ситуации неопределенности. Данный конструкт предоставляет возможность анализировать сложные аффективные состояния современного общества. При этом инструментами исследования переживания социальных изменений, в том числе прекарности, выступают качественные методы сбора, анализа и интерпретации данных, которые складываются сегодня в единый методологический подход к изучению социального познания.

Ключевые слова: социальное познание, социальные изменения, неопределенность, транзитивность, эстетическая парадигма, коллективные переживания, прекарность.

Введение: социальное познание и социальные изменения

Философское размышление Гегеля о том, что «общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является изменение вообще» (Гегель, 1993, с. 120), нашло воплощение в современной социальной психологии. В классических работах Г. М. Андреевой (Андреева, 2005; Андреева, 2009) поставлен вопрос о феноменологии и механизмах социального познания в условиях радикальных социальных изменений (как реализации эпистемологического и общепсихологического принципа неопределенности), при этом в роли субъекта познания выступал не только отдельный индивид, но и группа, точнее общество как система больших и малых групп. В интересубъективных процессах общения и взаимодействия индивиды конструируют образ мира, чья ключевая функция заключается в ориентации в ситуации социальной нестабильности и неопределенности. Очевидно, что образ социального мира (и человека в нем) в значительной степени зависит от изменений и преобразований социокультурной реальности.

Ученые, стоящие у истоков исследования проблематики социального познания в социологии (К. Манхейм (K. Mannheim), который и ввел понятие «социальное познание») и когнитивной науке (С. Фиск (S. Fiske), определившая социальное познание как процесс понимания людьми друг друга в повседневной жизни для координации их взаимодействий), неоднократно писали о междисциплинарном и трансдисциплинарном характере анализа понимания личности и общества (Манхейм, 1994; Fiske, 2018). В отечественной научной школе Г. М. Андреевой — и в этом заключается существенное отличие от англоязычного подхода *Social cognition* — социальное познание рассматривается в широком контексте не только индивидуального, но и общественного и массового сознания. Психология социального познания охватывает микроуровень межличностных коммуникаций

(лицом-к-лицу) и макроуровень социальной структуры (социальных институтов). Подчеркивается, что познание социальных явлений всегда есть сплав когнитивных и эмоциональных (аффективных) процессов, которые могут быть рассогласованы под действием событий реального мира (Андреева, 2013).

Неопределенность и транзитивность развития общества постмодерна выступают серьезным эпистемологическим и методологическим вызовом для устоявшихся теорий, в частности для когнитивной психологии и социальной нейронауки, концепций социальной идентичности А. Тэшфела (H. Tajfel) и социальных представлений С. Московиси (S. Moscovici), нарративной и дискурсивной психологии Р. Харре (R. Harré), Дж. Поттера (J. Potter) и М. Уэзерелл (M. Wetherell) (Андреева и др., 2001; Augoustinos et al., 2014). Этих концепций становится недостаточно для анализа социальных изменений и кризисов. Поэтому необходимы новые исследования, раскрывающие трансформации теорий и концепций социального познания в изменяющейся и неопределенной действительности. В настоящей статье представлены результаты наших теоретических и эмпирических исследований, которые позволяют разработать новую концепцию социального познания (продолжающую интеллектуальные традиции школы Г. М. Андреевой) для изучения факторов социокультурной детерминации аффективных и когнитивных процессов конструирования образа мира, образа общества в ситуации изменчивости и неопределенности с опорой на современные психологические подходы (прежде всего социальный конструкционизм и теории переживания).

Если обобщить результаты предшествующих исследований социального познания в условиях «текущей современности» (по устоявшейся метафоре З. Баумана (Z. Bauman)), то их можно представить следующим образом. Метаморфозы социальных институтов и задаваемых ими механизмов социализации и индивидуализации закономерно приводят к изменениям образа человека и образа мира. Изучены социальные представления, характеризующие массовое состояние российского общества, травмы коллективной и исторической памяти (Емельянова, 2016; Емельянова, 2019), множественность и противоречивость потенциальных категорий идентификации личности, кризис социальной и этнокультурной идентичности (Белинская, 2018; Стефаненко, 2009), переструктурирование жизненного пространства и жизненного пути личности (Гришина (ред.), 2019). Вся эта богатая феноменология становится исходным пунктом для построения новой концепции социального познания в контексте социальных изменений. Сегодня принято говорить о неготовности социальной психологии к анализу изменяющегося общества, так как мы имеем дело уже не просто с неопределенностью и подвижностью, но со сломом недавнего повседневного существования.

Как показывают проведенные нами эмпирические исследования, «классические» механизмы познания социальных явлений — *категоризация, ментализация*, или «*модель психического*», *каузальная атрибуция* (Андреева, 2005; Сергиенко, 2015; Холмогорова (ред.), 2016) — под действием социальных изменений не только резко трансформируются, но и отчасти перестают работать. Воспринимаемая социальная информация не складывается в единый и относительно устойчивый образ социального мира, который мог бы выполнять функции ориентации в неопределенности и преадаптации к ней, если воспользоваться терминологией А. Г. Асмолова (Асмолов и др., 2018).

Сказанное доказывается результатами качественных исследований. Качественный подход является «контекстуально чувствительным» и позволяет анализировать как механизмы социального познания, так и отдельные измерения образа социального мира в ситуации изменений и неопределенности (Мельникова, Хорошилов, 2020). К измерениям образа мира относятся: социальная идентичность (личностное), социальные представления (групповое), коллективная память и хромотопы (пространственно-временное). Не менее важно и то, что основной стратегией валидации качественных исследований выступает теоретическая и методологическая триангуляция, то есть одновременное использование нескольких теорий и методов; включаемая в дизайн исследования триангуляция раскрывает субъективное восприятие и переживание социальных изменений в их эпистемологической сложности и многоаспектности. Наиболее адекватным инструментом изучения восприятия социальных изменений выступает метод глубинного интервью.

Так, в серии интервью, посвященных изучению восприятия мира и, в частности, разрыва эмоциональных отношений молодыми людьми, представителями так называемого поколения Z — «зумеров», выявлен феномен, который отчасти напоминает алекситимию (при всей условности экстраполяции клинико-психологического термина). У респондентов часто отсутствуют нужные слова для объяснения происходящего, и они сами довольно четко рефлексируют этот факт. Стоит одному из партнеров почувствовать минимальный дискомфорт, он может разорвать отношения в одностороннем порядке или отправиться на поиски новых. Любовь становится не ценностью, а технологией себя, инструментом индивидуализации и личностного развития, обновляемым в интернет-приложениях для знакомств. Ориентация на Другого нивелируется, другой человек не нуждается в понимании и ментализации, все усилия направлены только на самого себя. Эмоциональная гибкость, непредсказуемость и рискованность близких отношений (кто нанесет удар первым, как поется в популярной песне, цитируемой респондентами, — «сегодня ты, а завтра я») затрудняет понимание своих эмоций и эмоций партнера.

Материалы глубинных интервью, проведенных с респондентами, чьи профессии, связанные с бизнесом или творчеством, предполагают частые и длительные путешествия по всему миру, показывают, что подобная мобильность заставляет их просыпаться ночью в отелях со внезапным острым чувством непонимания собственной локализации и языковой идентификации, личной потерянности во времени и пространстве: как признается один художник, эти состояния напоминают ему «ночь души, описанную мистиком св. Иоанном Креста». Им кажется, словно в бурной профессиональной и личной деятельности они не замечают «нечто очень страшное и непонятное, происходящее в мире», у них отсутствует однозначная социальная самокатегоризация, они превращаются в «вечных скитальцев» по разным культурам и сообществам в бесчисленных пересадках в аэропортах и гостиницах.

Наконец, в исследовании каузальной атрибуции в объяснении профессионального успеха и неудачи у известных артистов театра и кино нами было обнаружено искажение традиционной асимметрии приписывания удачи себе, а неудачи — обстоятельствам. Хотя в предлагаемых интерпретациях успеха респонденты неоднократно подчеркивают значение таланта, трудолюбия, контактности, отмечается явная тенденция к внешней атрибуции его причин — «сложились звезды», «судьба». Ни один респондент не оценивал успех как свою собственную заслугу, не

говорил о профессионализме или об уникальном таланте. Успех — совершенная случайность, «колесо Фортуны из карт таро». По-видимому, атмосфера высокой профессиональной конкуренции в мире искусства изменяет характер атрибуции.

Полученные эмпирические данные доказывают трансформацию механизмов социального познания и требуют учета изменяющегося социального контекста и массового сознания. Респонденты интуитивно рефлексировали флуктуации социокультурного контекста, но часто не находят вербальных средств для их означивания и символизации. По этой причине представляется необходимым расширить предметное поле психологии социального познания и создать подход, который дал бы возможность найти понятийный язык для анализа неявных, латентных социальных изменений, так как для их исследования стало недостаточно привычных исследовательских методов, как количественных, так и — использованных нами — качественных.

Эстетическая парадигма в социальной психологии повседневности

В транзитивном обществе сфера психологии социального познания расширяется до нового трансдисциплинарного направления, которое мы назвали *социальной психологией повседневности*. Ее предметом выступают индивидуальные и коллективные переживания социальных изменений, которые не артикулированы в публичных дискурсах, то есть системах языковых значений, закрепленных институционально. Повседневность и ее субъективное отражение в обыденном или житейском сознании уже становились предметом смежных с социальной психологией наук (Гусельцева, 2019). Повседневность, изменяющаяся быстро и разнонаправленно сообразно массовому обществу и культуре, попадает сегодня в фокус психологического исследования и может ответить на интересующие вопросы о глубинной трансформации механизмов социального познания. В процессы социального познания включается полусознательный аффективный компонент, при строгом использовании терминов именно аффективный, а не эмоциональный, ибо аффект предполагает сложность его вербализации и символизации (Тхостов, 2020). В этом смысле сегодня принято говорить о блокировании означивания или проговаривания культурной и коллективной травмы, триггером которой выступают радикальные изменения (Емельянова, 2019).

Социальная психология повседневности фиксирует эти неотчетливые переживания и интуиции социальных изменений. Психологической единицей анализа повседневности выступает *социальное воображаемое*. Вводимое понятие тесно связано с категориями ментальности, ментального оснащения эпохи, коллективных и социальных представлений, восходящими к французской интеллектуальной традиции (Касториadis, 2003). Но, в отличие от перечисленных понятий, социальное воображаемое обозначает спонтанное и неструктурированное понимание происходящего в обществе и культуре, то есть имплицитное схватывание смысла социальных изменений обыденным сознанием. Иными словами, речь идет о докатегориальном механизме осмысления повседневности и того ее фантазийного пласта, который как бы сопротивляется символическому означиванию, для которого пока не нашлось адекватного языка выражения в обществе и культуре.

В психологической перспективе концепт социального воображаемого включает в себя многочисленные неотчетливые интуиции социального познания как

исходный визуально-образный материал для последующего означивания в четких символических структурах социальных представлений. При этом социальная психология повседневности в большей степени делает акцент не на исследовании практик индивидуализации и жизнотворчества в изменяющихся социальных контекстах (например, в искусстве, моде, демонстративном потреблении), а на «диагностике» латентных изменений. С социально-психологической точки зрения повседневность является символическим полем, в котором кристаллизуются будущие социальные изменения, кризисы и сломы на макроуровне культуры, институций и больших устойчивых групп.

Восприятие социальных изменений в разных социальных и возрастных группах имеет свою специфику. Материалы проведенных нами исследований позволили выявить и описать особенности восприятия социальных изменений в различных формах повседневной жизни. Были изучены:

- практики конструирования образа красоты как составляющей дискурса «гламура» в России 2000-х гг.;
- субъективные критерии выбора молодежью среднего и высшего образования за границей;
- представления о лидерстве у женщин-руководителей в условиях организационных изменений;
- структура жизненного пути непрофессиональных «психологов» и консультантов, использующих в своей работе элементы эзотерического знания (Мельникова, Хорошилов, 2020).

Обобщая данные этих исследований, можно констатировать, что все респонденты субъективно воспринимают необходимость преодолевать в повседневной жизни многочисленные внутриличностные, ценностные и ролевые конфликты, которые всегда связываются ими с общей социальной нестабильностью.

Полученные в эмпирических исследованиях данные показывают ограниченность уже имеющихся концепций и инструментария для объяснения специфики социального познания в ситуации социальной неопределенности. Этот факт ярко демонстрирует необходимость разработки нового подхода к изучению психологической феноменологии и закономерностей повседневности в ситуации изменчивости и неопределенности. Такой подход, исходя из новых задач, должен быть трансдисциплинарным, соединяя в себе психологию и искусствознание. Новый уровень обобщения этих дисциплин направлен на анализ латентных социальных изменений в общественном и массовом сознании, которые проявляются в психологии повседневности.

Условное название такого подхода: *эстетическая парадигма*. Ее главный принцип заключается в сопоставлении языков научных понятий и визуальных образов искусства. Часто художники, а не ученые первыми чувствуют изменения повседневной жизни и ее символических форм, которые только затем, спустя время, становятся предметом научной рефлексии, что подтверждается анализом взаимоотношений модерна, авангарда и научных концепций начала XX столетия (Марцинковская, 2017).

Эстетическая парадигма в психологии повседневности позволяет эксплицировать художественные образы социальных изменений и тем самым смещает фокус внимания от когниций на такой механизм социального познания, как коллективное переживание (идея восходит к работам Г. Шпета), которое включает в себя и когни-

тивный, и аффективный компоненты. В ситуации неопределенности аффективный модус переживания доминирует над когнитивными процессами, в то время как в классической психологии социального познания эмоции рассматривались только в качестве эвристики или сопровождения когнитивных процессов конструирования образа мира. Визуальные языки искусств указывают на аффективные аспекты скрытых социальных изменений до их рациональной, когнитивной и вербальной репрезентации. Кроме того, искусство может выполнять прогностическую функцию, например, обнаруживая анализ спонтанного образа шума в художественной и мемуарной литературе Серебряного века, интерпретируемого как предсказание революции 1917 г. (Хорошилов, 2022).

При качественном анализе художественных текстов, рецензий в профессиональных изданиях, экспертных интервью со зрителями, критиками и художниками фокус нашего исследования был направлен на изучение визуального ряда и динамики образов (живописи, кино, театра), которые сегодня складываются в самостоятельное направление визуальных исследований. Например, рассмотрение арт-медиа показывает, что самые престижные художественные премии получают те произведения искусства, в которых на первый план выводятся мимолетность, случайность и шаткость повседневного существования человека в глобальном мире. Сквозной визуально-образный мотив на Венецианских биеннале современного искусства 2010-х гг. — уязвимость, хрупкость, незащищенность жизни. Эти данные могут быть связаны с феноменом психологической прекарности.

Коллективные переживания прекарности в массовом сознании

Эмоциональное состояние прекарности, пронизывающее фактически все области повседневной жизни современного общества, определяется нами как индивидуальное и коллективное переживание незащищенности, уязвимости и хрупкости человека, когда его экономический и социокультурный капитал, независимо от групповой принадлежности и статуса, может быть нивелирован конфигурацией случайных и непредсказуемых событий. Прекарность рассматривалась в работах П. Бурдьё (Bourdieu, 1997) и Дж. Батлер (Батлер, 2018; Батлер, 2022), а также Г. Стэндинга (Стэндинг, 2014). Дж. Батлер в своих последних работах дополняет прекарность концептом *оплакиваемости*. «Способность ценить и оберегать жизнь зависит от постоянного чувства оплакиваемости — предполагаемого будущего жизни как неопределенного потенциала, который бы оплакивался, если бы эта жизнь прервалась и была потеряна» (Батлер, 2022, с. 84).

В наших исследованиях прекарность приобретает собственно психологическую реконцептуализацию. Выделяются три методологических уровня анализа прекарности:

- 1) *онтологический* (экзистенциальная открытость и незащищенность Я перед страданием Другого);
- 2) *социально-экономический* (прекарность как маркер класса прекариата, куда социологи обычно относят фрилансеров, мигрантов, людей без стабильного заработка и социальных гарантий);
- 3) *психологический*, обозначающий субъективное эмоционально-смысловое отражение прекарности социальной (Хорошилов, 2022).

Тематический анализ интервью с пользователями социальных сетей и интернет-контента дал возможность проследить связь глубинной медиатизации повседневности и прекарности. Этот анализ показал изменения кода медиакommunikации и взаимодействия: от вербального к визуальному, от слова — к изображению. Нарративное, логически связное понимание социальной информации замещается ассоциативным, тезаурусным. Следует также подчеркнуть, что интерактивность новых медиа оборачивается диффузией границ приватного и публичного пространства, личная информация пользователей может легко использоваться без их ведома, что существенно повышает уровень прекарности. В соответствии с эстетической парадигмой не вызывает удивления, что все перечисленные закономерности были впервые раскрыты не в академических исследованиях, а в сериале «Черное зеркало» и детективной беллетристике Дж. Маррса.

Серия ретроспективных интервью с участниками социальных и гражданских движений в России 2010-х гг. показала, что не только восприятие несправедливости, как считалось ранее в социальной психологии, а прежде всего переживание незащищенности объединяет людей самых различных социальных позиций и мотивирует их к спонтанной мобилизации в форме уличных собраний. В этом отношении отчетливо реализуется интенциональный характер переживания. Формальное приписывание индивидов к классу прекариата не является определяющим, как полагают социологи; главным фактором идентификации выступает общность переживания.

Проведенный анализ интервью и фокус-групп с топ-менеджерами и бизнесменами крупных российских компаний, так же как и анализ сделанных ими фотографий повседневности, раскрыл структуру прекарного габитуса. Он включает в себя «хроническую» тревогу и сокращение временной перспективы (до часа!), отсутствие стратегий копинга в актуальной ситуации (два главных копинга, по словам респондентов: «инстинкт выживания» и вера, религия). Осмысление прекарности как экзистенциального ресурса для саморазвития и самопознания отражает поиск продуктивных копингов во всех сферах повседневной жизни, от частных до публичных.

Полученные данные доказывают, что прекарность — это коллективное переживание, охватывающее разные группы российского общества вне зависимости от их положения в социальной иерархии. Прекарность может подлежать межгрупповой классификации и дифференциации: одни группы позиционируются и воспринимаются как более уязвимые, нежели другие. Однако крайне важно подчеркнуть, что психологическая прекарность является типичным, универсальным и, так сказать, трансгрессивным феноменом, пронизывающим массовое и общественное сознание в целом. В признании тотального характера прекарности заложен потенциал для объединения людей в сетевые сообщества (в том числе виртуальные или медиатизированные), которые могут разработать новые эффективные способы группового копинга с социальными изменениями. Поэтому прекарность следует считать не эффектом нарастающей индивидуализации, атомизации и сингуляризации современного общества, выражающимся в нарциссическом замыкании на собственных тревогах и страхе смерти, но психологической основой для солидарности и коллективного действия исходя из общего, интересубъективного переживания уязвимости друг друга.

Таким образом, радикальные социальные изменения, кристаллизацией которых выступают переживания precariousности, обнажают неопределенность как социальное и экзистенциальное измерения жизни человека. Переживание precariousности актуализируется в кризисных обстоятельствах, часто непреодолимых и глобальных. Можно говорить, что переживание precariousности связывает проблематику социального познания с проблемой личности, попадающей в ситуацию непредсказуемо изменяющегося мира и жесткой транзитивности, при которой одним из условий существования и выживания становится взаимопомощь, связанная и с зависимостью, и с уязвимостью.

Заключение

Изменчивость и неопределенность социального мира приводит к необходимости конструирования трансдисциплинарного подхода, который является новым уровнем обобщения научных и эстетических категорий. Именно такой подход дает возможность выявить и описать восприятие, переживание социокультурных изменений, а также показать динамику и закономерности разнонаправленных трансформаций современного общества.

Одним из ключевых оснований этого подхода является социальная психология повседневности, позволяющая изучать смысловую структуру форм обыденной и рутинной жизни, в которой артикулируются латентные и нерелексируемые социальные изменения и кризисы. Это определяется тем, что социальная психология повседневности служит инструментом анализа восприятия и переживания социальных изменений как ситуации неопределенности.

Важной составляющей трансдисциплинарного подхода, объединяющего на конкретном уровне психологию и искусствознание, является эстетическая парадигма. В рамках этой парадигмы осуществляется многомерный анализ современного общества, не поддающегося концептуализации в традиционных категориях социального познания. В эстетической парадигме социальной психологии повседневности происходит смена научного языка и психологических категорий анализа неопределенности: категории образа социального мира и социального представления дополняются изучением дискурсов и коллективных переживаний.

Одним из ведущих для современности становится новый тип коллективных переживаний — психологическая precariousность, которая может рассматриваться и как интегральная характеристика массового сознания в целом, и как предельное выражение неопределенности на аффективном и когнитивном уровнях социального познания, при этом аффективный, полусознательный уровень познания социальных явлений оказывается доминирующим.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.
- Андреева Г. М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009.
- Андреева Г. М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
- Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.

- Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Батлер Дж. Сила ненасилия: сцепка этики и политики. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022.
- Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Гришина Н. В. (ред.). Психология личности: пребывание в изменении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.
- Гусельцева М. С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.
- Емельянова Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
- Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2019.
- Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
- Марцинковская Т. Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2017.
- Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.
- Сергиенко Е. А. Модель психического и социальное познание // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/535> (дата обращения: 03.01.2023).
- Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Тхостов А. Ш. Культурно-историческая патофизиология. М.: Канон+, 2020.
- Холмогорова А. Б. (ред.). Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе. М.: Неолит, 2016.
- Хорошилов Д. А. Психология социального познания в изменяющемся обществе. М.: Акрополь, 2022.
- Augoustinos M., Walker I., Donaghue N. Social cognition: an integrated introduction. London: Sage, 2014.
- Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout // Intervention lors des Rencontres européennes contre la précarité. Grenoble. 1997. 12–13 décembre. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_161352.pdf (дата обращения: 03.01.2022).
- Fiske S. T. Social cognition: selected works. London; New York: Routledge, 2018.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2022 г.;
рекомендована к печати 17 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Марцинковская Татьяна Давидовна — д-р психол. наук, проф.; martsinkovskaya.t@rggu.ru
Хорошилов Дмитрий Александрович — д-р психол. наук; d.khoroshilov@gmail.com

The psychology of social cognition: Prospects for development in a changing society*

T. D. Martsinkovskaya^{1,2,3}, D. A. Khoroshilov^{1a}

- ¹ Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation
- ² Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
9, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation
- ³ Moscow Institute of Psychoanalysis,
34, Kutuzovskiy pr., Moscow, 121170, Russian Federation

For citation: Martsinkovskaya T. D., Khoroshilov D. A. The psychology of social cognition: Prospects for development in a changing society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2023, vol. 13, issue 1, pp. 12–23. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.101> (In Russian)

The results of theoretical and empirical research of the phenomenology and mechanisms of social cognition in the conditions of fluid modernity, social uncertainty and transitivity

are summarized in this article. The starting point is the position of the scientific school of G. M. Andreeva, according to which social cognition is considered as an affective and cognitive process of constructing the image of the social world in the individual and public consciousness. A new transdisciplinary concept of social cognition, which integrates the principles of psychology of cultural activity and social constructionism, as well as theories of social representations and collective emotional experiences is presented. The new research direction that greatly expands the subject area of psychological investigation of social cognition — the social psychology of everyday life is verified. It is everyday life that acts as the optics of the analysis of subjective perception and emotional experience of social changes as a situation of uncertainty in various spheres of everyday life of society and culture (from new media to contemporary art). The proposed and implemented aesthetic paradigm in the social psychology of everyday life combines two ways of understanding, explaining and predicting social changes: scientific-conceptual and artistic-figurative (or visual). Thus, the aesthetic paradigm synthesizes the scientific and aesthetic discourses of psychology and art history. In this regard, it is a flexible methodological strategy that opens up the prospects for a multidimensional analysis of modern society and culture that cannot be conceptualized in traditional categories of social cognition (for example, mental models, categorization, causal attribution). On the basis of the aesthetic paradigm of everyday life, a new construct of precarity is introduced for domestic psychology, which means individual and collective emotion experience of total vulnerability, fragility and insecurity of a person in a situation of uncertainty. This construct makes it possible to analyze the affective states that characterize the mass consciousness of modern society. At the same time, specific instruments for studying the emotional experience of social change, including precarity, are qualitative methods for collecting, analyzing and interpreting data, which today unites in a sole methodological approach to the study of social cognition.

Keywords: social cognition, social change, uncertainty, transitivity, aesthetic paradigm, collective emotional experiences, precariousness.

References

- Andreeva, G. M. (2005). *Psychology of social cognition*. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
- Andreeva, G. M. (2009). *Social psychology today: searches and reflections*. Moscow, NOU VPO MPSI Publ. (In Russian)
- Andreeva, G. M. (2013). Image of the world and/or real world? *Voprosy psikhologii*, 3, 33–43. (In Russian)
- Andreeva, G. M., Bogomolova, N. N., Petrovskaya, L. A. (2001). *Foreign social psychology of the XX century*. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
- Asmolv, A. G., Shekhter, E. D., Chernorizov, A. M. (2018). *Pre-adaptation to uncertainty: unpredictable paths of evolution*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Augoustinos, M., Walker, I., Donaghue, N. (2014). *Social cognition: An integrated introduction*. London, Sage.
- Belinskaya, E. P. (2018). Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 8 (1), 6–15. (In Russian)
- Bourdieu, P. (1997). *La précarité est aujourd'hui partout. Intervention lors des Rencontres européennes contre la précarité*. Grenoble. 12–13 décembre. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_161352.pdf (accessed: 03.01.2022).
- Butler, J. (2018). *Notes toward a performative theory of assembly*. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)
- Butler, J. (2022). *The force of nonviolence: An ethico-political bind*. Moscow, High School of Economics Press. (In Russian)
- Castoriadis, C. (2003). *The imaginary institution of society*. Moscow, Gnozis Publ.; Logos Publ. (In Russian)

* The research was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation, project no. 22-18-00140 “Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty”.

^a Corresponding author.

- Emel'ianova, T. P. (2016). *Social representations: History, theory and empirical research*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Emel'ianova, T. P. (2019). *Collective memory of the events of national history: a socio-psychological approach*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Fiske, S. T. (2018). *Social cognition: selected works*. London; New York, Routledge.
- Grishina, N. V. (ed.) (2019). *Personality psychology: Stay in change*. St Petersburg, St Peterburg University Press. (In Russian)
- Gusel'tseva, M. S. (2019). *Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Hegel, G. W. F. (1993). *Lectures on the philosophy of history*. St Petersburg, Nauka Publ. (In Russian)
- Kholmogorova, A. B. (ed.) (2016). *Social cognition as the higher mental function and its development in ontogenesis*. Moscow, Neolit Publ. (In Russian)
- Khoroshilov, D. A. (2022). *Psychology of social cognition in a changing society*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Mannheim, K. (1994). *Diagnosis of our time*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Martsinkovskaia, T. D. (2017). *Culture and subculture in the space of psychological chronotope*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Mel'nikova, O. T., Khoroshilov, D. A. (2020). *Methodological problems of qualitative research in psychology*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Sergienko, E. A. (2015). Theory of mind and social cognition. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 8 (42). Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/535> (accessed: 03.01.2023). (In Russian)
- Standing, G. (2014). *The precariat: The new dangerous class*. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)
- Stefanenko, T. G. (2009). Ethnical identity: from ethnology to social psychology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, 2, 3–17. (In Russian)
- Tkhostov, A. Sh. (2020). *Cultural-historical patopsychology*. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russian)

Received: October 28, 2022
Accepted: November 17, 2022

Authors' information:

Tatiana D. Martsinkovskaya — Dr. Sci. in Psychology, Professor; martsinkovskaya.t@rggu.ru
Dmitry D. Khoroshilov — Dr. Sci. in Psychology; d.khoroshilov@gmail.com